

История
о первой любви
для маленьких
принцесс

День
исполнения
желаний

Елена
Усачева

Елена Александровна Усачева
День исполнения желаний
Серия «Только для девчонок»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168372
День исполнения желаний: Эксмо ; Москва; 2008*

Аннотация

Новые приключения пятиклассницы Тани и её одноклассников.

Вот такой веселый декабрь получился у учеников пятого класса обыкновенной школы. А как еще может проходить этот самый загадочный месяц, когда вокруг снег и холод, когда солнце и не думает показываться из-за верхушек ближайших домов, когда тебе двенадцать лет, и вроде бы верить в чудеса уже не положено, но еще так хочется.

Вы полагаете, это все выдумки? Оглянитесь вокруг. Подобные истории происходят постоянно. И, может быть, вон тот ушастый парень ждет не дождется, чтобы его расколдовали.

Содержание

глава 1	5
глава 2	18
глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Усачева

День исполнения желаний

Щелкунчик должен быть расколдован

Таня любила цветы, Терещенко их рвал. Таня была милой скромной девочкой, Терещенко слыл хулиганом и в зеркало заглядывал раз в неделю. Таня очень хотела, чтобы какой-нибудь волшебник взял однажды Терещенко и унес на необитаемый остров – видеть она его больше не могла. И волшебство произошло, правда, не совсем такое, о каком мечтала Таня.

глава 1

Где водятся волшебники

Эти события произошли в самом обыкновенном классе самой обыкновенной школы однажды в декабре.

Кому-то может показаться, что в этой истории многовато волшебства. Ну, какой, скажите на милость, Щелкунчик в двадцать первом веке? Откуда здесь взяться полчищам крыс?

Но не стоит забегать вперед. У каждого рассказа есть свое начало и, что вполне естественно, свой конец. А то, что он будет неожиданным не только для читателей, но и для главных героев, – в этом нет ничего странного. Кому нужна история, неспособная удивлять?

В этом году в школе на подоконниках буйно росли всевозможные азалии, антуриумы, ардизии и ахименесы. За окнами была зима, ветер подбрасывал вверх охапки снега, кружил его, швырял на крыши, иногда попадал в лица прохожих. Каждый день, чуть раньше остальных, в школу приходила Таня. Она поливала и опрыскивала все эти молочаи, фикусы, бальзамины.

Она любила цветы.

Могла часами рыхлить землю у суховатых декабристов, туголистных фиалок, хрупких фуксий, пахучих гиацинтов,

неприхотливых гераней, темнолистных цикламенов. Понемногу из лейки вливать им под корни воду, а потом долго смотреть, как земля набухает и оседает, впитывая влагу.

Таня с трудом переносила как шум перемен, так и тягучую тишину уроков. Если бы все было по ее желанию, она бы провела жизнь в оранжерее и, возможно, со временем сама стала цветком. Вот было бы счастье!

Наверное, в прошлой жизни Таня была цветком, росла себе, не зная забот. Но сейчас она человек, и приходилось с этим как-то мириться.

Дома цветы держать ей не разрешали – у мамы была аллергия на пыльцу, и все Танины заверения, что никакая пыльца от комнатных растений не полетит, не действовали. К тому же у мамы было слабое сердце, ей нельзя волноваться, и Таня, чтобы лишний раз не спорить с ней, перенесла все свое богатство на школьные подоконники.

Бесконечный учебный день она не проживала, а переживала. Переживала крики и насмешки, переживала непрекращающиеся задания и примеры, прыжки через «козла» на физкультуре и «ледовые побоища» в столовой за завтраком.

Все самое главное для нее начиналось после занятий.

Вместе с жизнерадостным звонком с уроков она выходила в коридор, пробиралась сквозь бушующий ураган рвущихся на свободу учеников и оказывалась около кабинета биологии.

– Таня? – знакомо спрашивала учительница по ботанике

Нина Антоновна, на секунду отрываясь от журнала. – Проходи. Только кактус не поливай! Зимой у него период покоя!

Таня послушно кивала. Не глядя, совала портфель на первую парту и осторожно, чтобы не потревожить учительницу, шла к подоконникам.

Иногда Тане казалось, что цветы ее узнают. Что они начинают склоняться, как только она входит в класс, а декабрист даже поворачивает к ней цветочные головки. В ответ она тоже кивала цветам и неизменно здоровалась с каждым по имени.

– Здравствуй, фуксия! Здравствуй, герань!

– Здравствуй, здравствуй! – шелестели цветы.

Таня взяла палочку и начала осторожно рыхлить землю, чуть-чуть приподнимая листики.

На самом дальнем подоконнике – три горшка с узамбарской фиалкой: фиалка с сиреневыми цветочками, обыкновенными; с большими розовыми; с белыми мохнатыми цветками. Какие ей нравятся больше всего? Наверное, обыкновенные, с пятью лепестками и желтым приветливым глазком.

Тане всегда было легче общаться с простыми растениями. Она не очень любила слишком наглые хризантемы, всегда щедрые на цветы декабристы. Ей приятней было находиться рядом с геранью, с приветливо протягивающей свои дырявые листики-ладошки монстерой восхитительной.

Монстера росла в большой кадке в углу класса. Поливала ее Таня всегда последней. От прикосновения ладошки-ли-

стики у монстры чуть подрагивали, словно приветствовали девочку. Каждый раз, когда Таня подходила к большой кадке, ей казалось, что за большим с прорезями листом она увидит какое-нибудь чудо. Среди толстых стволов заведется маленький народец. На гнупом стебле, как на лиане, будет качаться минипут,¹ который сообщит, что в Таню влюбился принц, но чтобы встретиться с ним, ей придется совершить множество подвигов. Еще ей хотелось увидеть там какую-нибудь зверушку. На самый крайний случай она бы согласилась на дождевого червяка.

Но уже на последнем шаге она понимала, что никого не встретит. По крайней мере сегодня. Тогда ей становилось немного грустно. Конечно, с растениями было хорошо, но что же это она все одна и одна, хоть бы завалящая фея прилетела, хоть бы какой самый последний волшебник заглянул.

Работа отвлекала ее от печальных мыслей.

Особенно от мыслей о Терещенко.

Терещенко был глуп. Глупее всех людей, каких только можно представить.

Терещенко был некрасив. И даже утверждение некоторых девчонок, что парню достаточно быть чуть красивее обезьяны, здесь не проходило. Коротко стриженный, с торчащими ушами, с большим ртом и тяжелым подбородком, Терещенко сложно было даже сравнить с обезьяной. Скорее всего, его далекими предками были инопланетяне, до того он был весь

¹ Герой, придуманный Люком Бессонном.

какой-то неправильный, словно собранный из частей от разных людей. В классе его никто не любил. А Таня не любила его в особенности, потому что Терещенко своими длинными граблями задевал стоящие на подоконниках цветы, а когда выдавалась свободная минута, отщипывал у них листочки.

И чаще всего доставалось именно сиреневой фиалке.

Куда бы Терещенко ни пересаживали, он почему-то неизменно оказывался в ряду около окна, а как доходило до урока биологии, неподалеку от него невероятным образом появлялся горшок с фиалкой. Его руки, готовые протянуться к чему угодно, тут же придвигали к себе цветок, а грязные пальцы с обкусанными ногтями и заусенцами начинали терзать первую жертву – зеленый толстомясый листок.

Тане с ее места не всегда было видно, что он там делает, но каким-то внутренним чутьем она понимала, что творится расправа над фиалкой. Тогда ей хотелось немедленно вскочить и опустить свой тяжелый портфель на плоский затылок с оттопыренными ушами, но она поднимала глаза на сосредоточенное лицо учительницы, которая долго и печально пыталась им что-то объяснить, и тут же успокаивалась. Ничего сделать нельзя. Ни встать, ни ударить, ни даже потребовать, чтобы он оставил цветок в покое.

И тогда Таня начинала думать, что Терещенко кто-то заколдовал, так было легче объяснить, почему он именно такой. Может быть, однажды, идя со своей мамой по рынку, Терещенко встретил злую волшебницу, попросившую по-

мочь донести тяжелые сумки до ее замка? Или, сидя дома, слишком внимательно всматривался в холодное, занесенное снегом окно и не заметил, как ему в глаза посмотрела Снежная королева, после чего стал уродцем с оттопыренными ушами? Или, не разобравшись, сел во дворе играть в карты со злым волшебником, и тот в уплату долга забрал у него сердце, и Терещенко стал таким некрасивым и равнодушным? Нет, все было гораздо проще! Он разгрыз орех Кракатук и с двенадцатым ударом часов превратился в Щелкунчика, в самую настоящую куклу с деревянными ногами и руками, и где-то уже бродят полчища злобных крыс, мечтающих утащить его в свою норку и разорвать там на тысячу кусочков.

От фантазий Тане становилось легче, и она не так болезненно реагировала на «раны», нанесенные фиалкам бестолковым заколдованным Терещенко.

– Таня! – всегда не вовремя звала Нина Антоновна и начинала складывать тетрадки. На столе появлялась большая сумка, заглывающая в свое жадное нутро столько всего, что, казалось, ее невозможно будет потом поднять. Но Нина Антоновна смело бралась за ручку и легкой походкой шла к двери.

Таня вытирала подоконник, вешала на батарею влажную тряпку, прятала за шкаф лейку и выходила в уже темный коридор. За спиной щелкал выключатель, хлопала дверь, поворачивался в замке ключ. Три магических действия отрезали

Таню от мира цветов, и она оказывалась в сумраке действительности.

Куда же подевались все те принцы и волшебники, что когда-то бродили по горам и лесам? Почему раньше они встречались на каждом углу, а сейчас их и среди тысячи человек не увидишь? И самое главное – почему цветы не умеют говорить? Было бы так здорово поболтать с ними...

– Терещенко этот тупой какой-то... – заявила на очередной перемене Сонька Веревкина, прозванная за свой неумный характер Сонька «Энерджайзер», и бухнулась на стул рядом с Таней.

Сидела Веревкина не здесь, а через проход около стены, и в среднем ряду ей вроде делать было нечего, но она приземлилась именно сюда и стала с грустью изучать рукав своего пиджака, где вместо положенных двух пуговиц осталась одна, и та болталась на тонкой ниточке. Вторая была выдрана, что называется, с мясом.

– Я ему говорю: «Отойди, дорогу загораживаешь!» – возмущенно выкрикивала Сонька «Энерджайзер», вертя оставшуюся пуговицу туда-сюда. – А он смотрит на меня как глухой. И зубы скалит. Я ему говорю: «Чего застыл? Чеши отсюда». А он – ноль внимания, фунт презрения. Может, его нам подменили?

– Непонятно, что в таком случае забрали, – пропыхтела «Данон», то есть Дарья Ходыкина, пытаясь маникюрными ножницами с одним обломанным лезвием отрезать задрав-

шийся заусенец. Она была полной и неспешной, вероятно, поэтому все у нее получалось правильно – в отличие от резкой Сони Даша успевала подумать, что делает и зачем. – Если нам дали этого, то кому и зачем понадобился тот, кого забрали? Кажется, предыдущий был еще тупее. – И она посмотрела на свои растопыренные пальцы – перед этим она минут пять подпиливала ногти, придавая им модную форму.

– Нет, он точно глухой! – Сонька «Энерджайзер» оторвала болтавшуюся на ниточке пуговицу и изучила оставшуюся дырку – лохматилась она знатно. – Я говорю: «Сдвинься! Люди пройти не могут». А он – хватать меня за пиджак. Чуть не задушил! Вот, пуговицу оторвал.

И она показала одноклассникам помятый рукав.

– А мне кажется, его заколдовали, – вздохнула Таня и посмотрела в окно, где вихрились веселые снежинки – декабрь в этом году выдался снежным. Мело без остановки, словно неумолимые снежные тролли задались целью засыпать их город по верхушки самых высоких башен. Снега напало столько, что качели у них во дворе, на которые раньше приходилось забираться, привстав на цыпочки, скребли по наметанному сугробу и каждое утро норовили спрятаться в нем, чтобы до весны уже больше не показываться. Исчезли под снегом лавочки и низенькие заборчики, маленькие кустики в школьном саду еле угадывались.

И чем больше падало снега, тем сильнее Таня любила своих питомцев на подоконниках. Ей казалось, что зимой они

особенно беззащитны.

– Ты чего – дура? – Соня явно нехотя оторвалась от изучения причиненного ей Терещенко ущерба. – Мы что, в Средневековье, чтобы нас тут заколдовывали?

На уроках истории они проходили эпоху Средневековья, и учитель, высокий крупный Иван Борисович, с непонятным для всех азартом рассказывал, как убивали друг друга короли, как насылали порчи на соседей, как боролись с бесчисленными ведьмами.

– Почему в Средневековье могли заколдовывать, а сейчас нет? – дернула плечом Таня, не отрываясь от окна.

– И в Средневековье не могли, и сейчас не могут, – пропыхтела Дашка «Данон», полируя ногти до блеска. – Какие волшебники в двадцать первом веке?

– А откуда тогда взялись Гарри Поттер и Мефодий Буславев? – не сдавалась Таня. – Я слышала, что в Хогвардсе можно учиться.

– Больная, что ли? – От удивления Соня на время забыла о своем расстройстве. – Это все сказки! Их люди придумали.

– Иван Борисович говорил, что ничего люди не придумывают, рассказывают только то, что было. – Таня смотрела на собеседниц и читала в их глазах одно недоверие. – Ну, что драконы из динозавров получились. Люди о них помнили и свои воспоминания передавали в сказках. Только со временем динозавр изменился, стал с тремя головами и с огнем из пасти. Вы где были-то? Он это всем говорил.

– Ну, ты сравнила, – снова принялась за свое дело – обработку ногтей – Ходыкина. – Ты прямо как маленькая. Еще скажи, что в Деда Мороза веришь и родители тебе его на 31 декабря заказывают.

– А как же мечты?

При этом вопросе Таня состроила такое выражение на лице, словно уже заранее была готова услышать, что дважды два – пять.

– Мечты иногда сбываются, – заговорщицким тоном сообщила она.

– Ну, сбываются, – хмыкнула Сонька «Энерджайзер», видимо, решив, что лучше уж она согласится, чем всю перемену они проспорят ни о чем.

Таня заулыбалась, расправила плечи и победно оглянулась. Ей даже показалось, что у них над головами зазвенели бубенчики, в воздухе взвихрились блестящие пылинки со стрекозиных крыльев крошечных фей.

– А иногда и не сбываются, – бухнула Дашка «Данон», и зарождающееся колдовство исчезло. – Моя мама говорит, – добавила она, пряча пилочку в футляр, – что главное волшебство в жизни – это любовь. Ты вообще когда-нибудь любила?

От неожиданного вопроса Таня поперхнулась и закашлялась. Как раз в это время в класс вошел Терещенко, уныло протопал между рядов, прополз вдоль парты и упал на стул. При этом все цветы на подоконниках вздрогнули.

Таня перебрала в голове всех, к кому можно было бы применить слово «любить».

Маму с папой, это понятно. Двоюродный брат Пашка? Хотя он уже взрослый и невероятно высокий. А когда пришел из армии, так его вообще узнать было нельзя – таким он стал здоровенным. Мишка в саду? Помнится, они даже «свадьбу» играли, стащили с окон занавески, укутали в них Таню, всучили Мишке букет одуванчиков и ходили вокруг беседки. Ох, и влетело им тогда. От тяжелой руки воспитательницы у Тани синяк на плече остался. А Мишка все на нее свалил, сказал, что это она придумала. Нет, это не любовь.

– Не любила, – качнула головой Таня и поджала губы, тем самым выражая сожаление от происходящего.

– Эх, мелюзга, – хихикнула Сонька «Энерджайзер». – Я уже сто раз влюблялась и даже целовалась неоднократно. Для меня влюбиться – раз плюнуть.

– Ну и влюбись, – фыркнула Дашка «Данон», и подруги уставились на Веревкину.

– Легко! – бросила Соня, как будто ей предложили на спор выпить три стакана компота. – В кого?

– В Терещенко и влюбись, – предложила Ходыкина, при этом на лице у нее не было ни злорадства, ни ехидства. Она была спокойна, видимо, ожидая, что Веревкина тут же откажется. Но Соня лишь губы поджала.

– Легко! – снова произнесла она. – Только время нужно. Спорю на что угодно, что в ближайшее время он мне подарит

цветы.

– Я это вижу, – закатила глаза Даша. – Между ними вспыхивает пожар любви, и Терещенко из Щелкунчика превращается в принца.

– Почему из Щелкунчика? – удивленно вздернула брови Таня. Она сама не раз думала, что Терещенко очень похож на Щелкунчика, и ей сейчас было немножко обидно, что не она первая так его назвала. А еще – что именно Сонька пообещала влюбиться. Все-таки Терещенко в чем-то был ее личным противником. И если уж кому и надо было в него влюбляться, так это ей. Но при одной мысли о вредном однокласснике Тане становилось нехорошо, и она решила, что пусть уж он достанется Веревкиной, раз она так этого хочет. Невелика добыча.

– Ты посмотри на него, вылитый Щелкунчик! – вздохнула Ходыкина и снова провела пилочкой по ногтю.

Девчонки дружно посмотрели на Терещенко, уже пристроившегося ощипывать листочки у вьюна – тот имел смелость пустить веточки к партам учеников.

Первой фыркнула Сонька «Энерджайзер», следом засмеялась Дашка «Данон». За ними печально улыбнулась Таня.

Услышав смех, Терещенко нахмурился, рванул самый большой листочек и глянул на возмутителей спокойствия.

– Девчонки – дуры, – мрачно изрек он, чем вызвал у веселящихся одноклассниц новый приступ хохота.

– Сам ты!.. – сорвалась с места Таня, добежала до окна и

схватила с подоконника цветов. – Пусти!

Застывший от изумления Терещенко так и сидел, вцепившись в кончик вьюна, отчего получилось, что они с Таней тянули несчастное растение каждый в свою сторону. Класс повскакивал с мест, наблюдая эту странную дуэль. От возмущения Таня не знала, что сказать, а Терещенко просто не понимал, что происходит.

– Ему же больно! – Таня не выдержала, в два шага преодолела разделяющее их расстояние и сильно толкнула одноклассника в плечо.

Терещенко взмахнул руками, растопырил пальцы, выпуская растение, и рухнул на стоящие за ним парты. Весь ряд с грохотом подвинулся, загремели, опрокидываясь, стулья. Кто-то вопил, отпрыгивая в сторону, кто-то, наоборот, рвался вперед, чтобы посмотреть. Началась куча-мала. Среди всеобщего беспорядка невозмутимым айсбергом возвышалась Таня с прижатым к груди отвоеванным вьюном.

Терещенко попробовал подняться, но завалившие его стулья сцепились друг с другом и так просто сбросить себя не давали. Так он и грохал ими какое-то время, пока не выполз на свободу.

– Дура! – выдохнул он, отбрасывая последний стул.

– Сам дурак! – вздернула вверх подбородок Таня.

– Ты его либо угробишь, либо расколдуешь, – прошептала у Тани за плечом Дашка Ходыкина. И тут зазвенел звонок.

глава 2

Верное средство расколдовать Щелкунчика

– Ну, и какие у нас есть средства облагородить нашего Щелкунчика?

Сонька «Энерджайзер» крутила перед собой оторванную пуговицу. Веселый кругляшок то вертелся на одном месте, то откатывался к горшку с вьюном, с которым Таня пока решила не расставаться, то норовил свалиться в сумку к Дашке «Данон» – Ходыкина накрутила ногти и теперь сидела, растопырив пальцы, ожидая, когда лак высохнет, поэтому не могла закрыть ее.

– Вы это серьезно? – распахнула глаза Дашка. Ходыкина уже три раза подправляла смазавшуюся красоту своих ногтей, поэтому сейчас предпочитала не шевелиться.

Шла перемена перед последним уроком, народ в основном топтался в кабинете, шум стоял сильный, поэтому на трех заговорщиц никто не обращал внимание. А тот, кого этот разговор непосредственно касался, сидел в конце класса, подальше от окна и цветов, и на скуле его набухал свеженький синяк.

– А если поможет? – Сонька так часто оглядывалась на Терещенко, что тот уже начал ерзать на стуле – подобное при-

стальное внимание ему было непривычно.

– Должно помочь! Другого выхода нет. – Таня придвинула к себе цветочный горшок, показывая этим, что ради своих ненаглядных цветочков она готова на все. – А что будем делать?

– Ну, что вы можете сделать? – дернула плечом Даша «Данон». – Взять его на перевоспитание? – И она повернулась к Веревкиной. Таня тоже вслед за ней посмотрела на Сою.

– Что вы на меня уставились? – вспыхнула «Энерджайзер». – Решайте, кто пойдет его целовать.

– Чего? – хором переспросили подруги.

– А вы как думали? – развела руками Сонька «Энерджайзер». – Золотой рыбки у нас нет. За щукой к проруби мы не пойдем. Остается – целовать, чтобы он из лягушки превратился в принца.

– Ты собиралась влюбляться, вот и тренируйся, – жестко произнесла Таня, уж очень ей хотелось как-нибудь поддеть подругу.

– Мало ли что я сказала! – легкомысленно махнула рукой Веревкина. – Может, я передумала? Меринова, тебе нужно, ты и целуй.

На Таниных щеках вспыхнул яркий румянец. Во-первых, по фамилии назвали, а она ее жуть как не любила. Во-вторых, послали целоваться с мальчиком. А она, стыдно сказать, последний раз это делала в детском саду все с тем же Мишкой.

– На него ничего не подействует, – вяло стала отпихиваться она от ответственного задания.

– Тогда ты иди, целуй! – весело посмотрела Сонька на Ходыкину.

У Даши от неожиданности дернулась рука, и на парте появился свежий след ярко-красного лака.

– Танька, давай, – мотнула она головой в сторону Тани. – Ты начала все это, тебе и целовать.

– Я начала? – обняла вьюн Таня. – Давайте я его лучше горшком стукну. Вдруг поможет?

Веревкина посмотрела на подруг негодующим взглядом, но одноклассницы только стыдливо потупились, давая понять, что ни с кем целоваться не будут.

– Так, – тяжело поднялась со своего места Сонька «Энерджайзер». – Учитесь, пока я жива. И не говорите потом, что я вам этого не показывала.

Она подлетела к своей парте, перешагнула через стул и стала тянуть к себе портфель. Зацепившись за ножку стола, портфель держался крепко. Веревкина дергала его и дергала, пока не опрокинулся стул, а парта не подпрыгнула.

Услышав знакомый звук падающей мебели, Терещенко втянул голову в плечи и зажмурился.

– Ну, и чего ты сидишь? – гаркнула у него над ухом Сонька «Энерджайзер». – Помоги достать.

Терещенко приоткрыл один глаз, покосился на одноклассницу и, с облегчением отметив, что опасности нет, вышел в

проход.

– Дура, – хрипло выдавил он из себя. – Откуда тянешь?

Терещенко обошел парту, освободил застрявший портфель и ногой подпихнул его к стене, где цепляться было не за что. Он еще толком не успел выпрямиться, когда Веревкина резко приблизилась к нему, беззвучно чмокнула в щеку, прошептала: «Спасибо!» – и с победным видом шагнула к открывшим рот приятельницам.

От поцелуя Терещенко дернулся, словно к нему поднесли оголенный провод, вставленный в розетку, и схватился за щеку. Веревкиной уже давно и след простыл, а он все стоял, с удивлением глядя перед собой.

Народ продолжал бурлить и клокотать, не замечая, что в классе проходит очень важный эксперимент – превращение Терещенко в... Превращение Терещенко... Превращение...

Терещенко какое-то время постоял, чуть покачиваясь и ощупывая место поцелуя, а потом вдруг побрел вон из класса.

– И все? – ахнула Дашка «Данон». – А где же?... – Она повертела перед своим носом пальцами, подбирая слова – они не договорились, в кого конкретно должен был превратиться Терещенко после столь смелого поступка Веревкиной.

Таня стояла растерянная. Она ожидала увидеть как минимум картинку из мультфильма, где после смерти мышинного короля с Щелкунчика сваливалась деревянная оболочка, а под ней оказывался маленький худенький принц. Ника-

кой оболочки с Терещенко не свалилось. Даже фейерверка не было, неперменного атрибута всех превращений в кино.

– Не подействовало, – хрипло отозвалась Сонька, с остервенением вытирая губы платком. – Чем там Щелкунчика-то лечили? Орехом?

Досовещаться подружки не успели, потому что прозвенел звонок, и они разошлись по своим местам.

Таня осталась наедине со своими мыслями о том, что на Терещенко, судя по всему, было наложено очень сильное проклятье. Ей так и представлялось, что как только Соня поцелует Терещенко, он сразу же превратится в высокого блондина с голубыми глазами, волевым подбородком, румяными щеками и ростом не меньше, чем у ее двоюродного брата, когда тот вернулся из армии.

Ничего этого не произошло. Терещенко как был тощим уродцем, так им и остался. Было даже обидно, что все так получилось, ведь помимо нелюбви к цветам у Терещенко открылся еще один «талант» – обманывать ожидания.

Утром следующего дня первыми в классе, как всегда, появились хорошисты и отличники. Среди них затесалась пара троечников, всю ночь проспавших с надеждой, что успеют у кого-нибудь списать домашнюю по алгебре.

Сонька «Энерджайзер» влетела в кабинет маленьким ураганом и тут же подошла к недовольно сопящей Дашке «Данон». Та только что в честном бою отвоевала свою тетрадку от посягательств злобного троечника и теперь с подозрени-

ем оглядывалась вокруг, ожидая нового нападения.

– Гляди! – Сонька бухнула на парту сжатый кулак, выдержала секундную паузу, полагающуюся в таких случаях, и только потом раскрыла ладонь. По исписанной и исчерканной не одним поколением школьников столешнице покатились невероятно большой в необычайных загогулинках и складочках грецкий орех.

– Вы чего с Танькой, совсем головой поехали? – Даша сунула тетрадку себе под попу и взяла Сонькино приношение. – Вы хотите, чтобы он его разгрыз?

– Хочет расколдоваться – пускай грызет, – уверенно потрянула кудряшками Веревкина. – Иначе я в него влюбляться отказываюсь.

– Какая же пасть должна быть, чтобы туда этот монстр влез?

Прищурив один глаз, Ходыкина изучила орех со всех сторон, потом открыла рот, но Сонькина добыча не помещалась между зубами.

– Что, не влезает? – опешила Сонька «Энерджайзер», как будто только что разглядев, какое чудовище принесла, и веселые огоньки в ее глазах потухли.

Даша скривилась.

– Представляю, как ты это добро в Терещенко впишешь. – Для убедительности Ходыкина взвесила орех на ладони. – Сначала будешь ловить его, потом привязывать к стулу, насильно открывать ему рот... А уж как он его раскусит-

вать станет, я даже подумать боюсь. Этот орех только молодой возьмет.

Но тут дверь открылась, и в кабинет робко вступил объект пристального внимания неугомонной троицы. Терещенко был в свежей рубашке, в отчищенном и отутюженном форменном пиджаке, чистые волосы у него топорщились, лицо было пунцовым, то ли от смущения, то ли от того, что его долго отдраивали.

Класс никак не отреагировал, хотя кто-нибудь и мог заметить, что Терещенко непривычно отмыт и заметно немят. Парни продолжали все так же громко что-то обсуждать, сидя на подоконнике и партах, девчонки рвали друг у друга модный журнал, особо прилежные не поднимали носа от учебников. Одни только Даша с Соней замерли, открыв рот. Орех из ослабевшей руки Ходыкиной выскользнул, стукнулся о парту и раскололся на две части. Внутри него оказалось сморщенное и почерневшее от старости ядро.

Терещенко пробрался к своему месту около окна и машинально дернул цветочный листок. На этот раз перед его носом оказался тонкий ветвящийся кустик с жесткими стеблями и широкими, насыщенного зеленого цвета листьями в белую крапинку. Заботливой Таниной рукой на табличке было выведено: «Драцена Годзефа». Кто такой Годзеф, что в его честь называли драцену, никто не знал, поэтому тут же на табличке было приписано еще несколько не самых приличных слов.

Первой пришла в себя Дашка «Данон». Она кашлянула и цыкнула зубом.

– А орешек-то того... – хмыкнула она, покрашенным ногтем ковыряя подгнившее нутро несостоявшегося чуда. – Прикинь – сунули бы мы ему эту гадость, а он отравился бы да копыта отбросил. Вот и все превращения.

– Слушай, чего мы паримся? У него, может быть, сегодня день рождения? – вдруг облегченно вздохнула Сонька «Энерджайзер» и легким движением смахнула скорлупки на пол. – Все, никаких превращений – надоело!

Она уселась на свое место и, чтобы скрыть смущение, стала копать в портфеле – в первую секунду она и правда подумала, что ее поцелуй подействовал и Терещенко превратился в прекрасного принца. Увлеченная своими мыслями, она не сразу заметила, как над одноклассником нависла страшная угроза. Пока он краснел и потел, от расстройства ощипывая несчастную драцену, к нему бесшумно подошла Таня.

У Тани много всего накопилось против Терещенко. Будь у нее в руке какое-нибудь оружие, она бы им непременно воспользовалась – проколола шпагой, стукнула дубинкой... а так она смогла только сжать кулачки и легонько толкнуть одноклассника в плечо.

– Прекрати! – прошипела она, глядя в стремительно бледнеющее некрасивое лицо. Как же она сейчас его ненавидела! Ненавидела всего – от торчащих волос на макушке до начи-

ценных ботинок. – Убери свои поганые руки от цветов!

Терещенко нервно дернул головой и осторожно вытер пальцы о штаны.

– Наставила оранжерей, нормальным людям повернуться негде, – вступились за Терещенко сидящие на соседнем подоконнике.

– Достала уже со своим гербарием!

– Иди отсюда, цветочная фея!

И на бедную Таню посыпался град обидных насмешек и прозвищ. Все эти слова свистели над головой Терещенко, задевали за его оттопыренные уши, пригибали волосы на макушке, так что ему приходилось даже немного отклоняться, чтобы в него самого не попали все эти обвинения.

– Иди отсюда! – наконец не выдержал он и встал.

Больше Таня ничего не слышала. Она только видела, как локоть Терещенко совершил роковое движение и задел горшок с драценой. Цветок дрогнул, пятнистые листья затрепетали в воздухе, и он опрокинулся на подоконник. Таня прыгнула вперед, пытаясь спасти любимца, сбила Терещенко с ног и сама упала на пол, придавив собой незадачливого одноклассника.

– Гляди, целуются! – прокатилось по классу. – Тю, жених и невеста! Терещенко с Мериновой влюбились.

Таня тут же слетела с вяло копошащегося Терещенко и стала зло вытирать руки о платок, словно коснулась какой-нибудь гадости.

– Псих ненормальный, – прошипела она, переступила через поверженного противника и занялась цветком.

– Сама дура! – вяло отругивался Терещенко.

– Убью гада! – добавила она, когда последствия катастрофы были ликвидированы, а цветок подвязан к палочке. Терещенко между тем затер следы земли на белоснежных манжетах. – Я даже не знаю, что делать, – прошептала Таня, подсаживаясь к подругам так, чтобы больше не видеть уже осточертевшего одноклассника. – Его ничто не берет.

– Тут нужна квалифицированная помощь какого-нибудь опытного колдуна или ворожеи, – согласно закивала Верекина, которой, видно, тоже перестала улыбаться мысль возиться с Терещенко.

– Представляю я этот институт чародейства и волшебства, – хихикнула Ходыкина.

– Ладно, попробуем еще раз, – вздохнула Таня, засовывая руку в карман, где у нее лежало «последнее верное средство».

глава 3

Волшебный орех Кракатук

Таня первая вызвалась идти в столовую готовить места к завтраку. Еще в начальной школе у них было заведено так: два человека за пять минут до звонка уходили с урока и без суеты и толкотни брали на весь класс еду, расставляли ее на столах, разливали чай. Ходить за завтраками любили девчонки, мальчишки от этой обязанности бегали – им было неохота таскать подносы и возиться со стаканами.

В добровольцы-то Таня и напросилась. В этот раз давали булку с сосиской, а значит, надо было просто поставить подносы – с тридцатью булками и чаем.

Таня устроила подносы рядом, любовно поправила их и только потом оглянулась.

Столовая не радовала глаз цветами. Постоянная влажность и духота не способствовали привольной жизни растительности. На окнах вечно висел тюль, за которым угадывались силуэты занесенных снегом деревьев. Лишь над входом на кухню в специальной подставке пылилось пушистое растение с маленькими круглыми листиками на тоненьких стеблях, свисающих вниз.

«Хельксина Солейроля, – тут же всплыло в Таниной памяти. – Семейство крапивных. Родом из Аргентины».

Взгляд ее стал жестким. Чтобы оказаться здесь, хельксина проделала такой длинный путь! С берегов Южной Америки, через Атлантический океан приплыла сюда, из обычной крапивы превратилась в красивую декоративную... И все для того, чтобы погибнуть в руках корявого Терещенко. Ради всех комнатных растений, ради несчастной драцены, солейроли и тех цветов, что еще мог изуродовать этот ужасный человек, она должна была это сделать.

Таня, загоротив подносы от мелькающей в раздаточном окне толстой поварихи, взяла одну булочку. Орехи у нее уже были подготовлены – фундук лежал в кармане. Правда, оставались небольшие сомнения, что волшебный орех Кракатук скорее все-таки похож на грецкий орех, чем на фундук. Но она никогда не видела, чтобы кто-нибудь зубами разгрызал скорлупу грецкого ореха. Фундук – да, но грецкий даже в рот не поместится. Его только щипцами и колоть. Терещенко хоть и дубина, но не железный. С грецким орехом не справится.

Таня вытащила из булки сосиску, отломилась середину, с одной стороны дырку заткнула хвостиком от сосиски, с другой – пропихнула два ореха и заткнула их оставшейся частью сосиски. Внешне и не догадаешься, что кто-то в булке ковырялся.

Затрезвонивший звонок заставил Таню вздрогнуть. Она спешно сунула булку под салфетку в нижний ряд, чтобы ее не схватили в первую очередь, и упала на лавку.

Руки тряслись, словно вместо орехов Таня подсунула в булку мышьяк. Некстати вспомнился рассказ историка о пытках инквизиции, об охоте на ведьм и обо всяких других ужасах.

«Ничего не случится. Будет только лучше!» – мысленно уговаривала она себя.

По лестнице прокатились первые быстрые шаги, сверху донеслись крики. И вот уже вся школа ожила. Столовая мгновенно наполнилась народом. Таня встала перед двумя столами, занятыми ею для своего класса. Среди лиц замелькали знакомые, где-то в чем-то родные и в то же время ненавистные физиономии одноклассников.

Руки потянулись к подносу. Первый ряд булок расхватали моментально. Второй ряд пошел чуть медленнее.

Таня не успевала следить за лицами и руками. Вроде бы Терещенко еще не было. Но за него могли взять! Колосов или Сундуков прихватят за компанию и отнесут ему. А может, и не донесут. Съедят по дороге и только потом покрутят перед его носом огрызком сосиски.

Терещенко вообще мог не прийти в столовую. После борьбы за цветок вполне в его духе будет сбежать домой. Ему же невдомек, что в столовой его ждут. И с нетерпением!

Таня дернула к себе поднос, пытаясь приостановить бесконечное мельтешение рук. Салфетка съехала в сторону, обнажая последнюю булку. Таня потянулась ее взять. Но цепкие пальцы с траурной каемкой вокруг ногтя успели раньше.

Терещенко сначала схватил булку, поднес ее ко рту и только потом поднял глаза. Таня стояла, оторопело глядя на него, боялась вздохнуть, чтобы не спугнуть внезапную удачу.

– Чего, последняя, что ли? – хрипло спросил Терещенко, прожевывая первый кусок.

– Нет, всем хватило, – упавшим голосом отозвалась Таня, бессильно роняя руки вдоль тела.

Терещенко откусил второй раз. Во рту у него что-то хрустнуло, он выкатил глаза, попытался сглотнуть, захрипел, выронил булку и стал заваливаться на бок.

Время остановилось.

Чуть покачивалась потревоженная хельксина. Летящая по своим делам муха замерла, блестя бусинками глаз. Повариха, растопырив пальцы, застыла над подносом с булками. Терещенко с изумлением смотрел на Таню огромными, полными муки и слез глазами, рот у него был открыт, одной рукой он хватался за горло, а другую протягивал к ней, словно просил о помощи. Падающая булка, хранящая в себе тайну, второй орех, застыла в воздухе. Или уже без ореха? Потому что, вон, что-то круглое лежит на полу. Значит, он вывалился, и никто уже не догадается, что на самом деле произошло в столовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.